

ТЕКСТ

(1) Это случилось давно, осенью 1988 года, когда неожиданно рано, напутав с календарём, наступила зима. (2) Огромные, толстые льды покрыли северные моря и прижали к берегам Аляски несколько серых калифорнийских китов. (3) Животные метались на узкой полоске чистой воды между ледяными торосами и скалистыми берегами мыса Барроу. (4) С каждым днём полоска воды становилась всё меньше, и киты должны были погибнуть. (5) С берега за китами наблюдали жители посёлка, но помочь им не могли: не было ледоколов, способных взломать такие льды и пробить водный путь для погибающих морских животных.

(6) Помощь пришла из страны, обладавшей тогда самым мощным ледокольным флотом в мире. (7) Флагманский ледокол Дальневосточного пароходства «Адмирал Макаров» и дизель-электроход «Владимир Арсеньев» устремились на помощь. (8) С рассветом подошли к огромным полям льда, тянущимся почти до самого берега, а там, впереди, за этими ледовыми нагромождениями, прижатые к берегам, погибали киты.

(9) Первым, круша льды, пошёл красавец ледокол, способный взламывать даже мощнейшие паковые торосы, за ним — дизель-электроход. (10) На обоих судах: опытные полярные капитаны, много лет работающие в Заполярье. (11) Спокойные команды, выверенные, чёткие решения, безукоризненное исполнение. (12) Тут понимают друг друга почти без слов.

(13) Работа предстояла сложная. (14) Пробить такой лёд этим гигантам было нетрудно, но как выйти точно на китов, что мечутся на узкой полоске свободной воды? (15) Как заставить их пойти в пробитый проход, поверив людям? (16) Как не дать льдам вновь сомкнуться, похоронив под собой животных?

(17) Такой практики эти морские волки не имели. (18) Ещё неделю назад шли в Заполярье на помощь гибнущим сухогрузам и успешно спасали и людей и корабли, и грузы. (19) То была часть обычной для них героической работы, а здесь — киты, которые боятся человека и не понимают его действий. (20) Им не скажешь: «Следуйте за мной, я проведу вас к спасению, на чистую воду, свободную ото льда». (21) Их не убедишь, что ты спасатель, а не китобой.

(22) Но эти суровые, немногословные люди, много раз смотревшие в глаза опасности, сделали невероятное и вывели морских исполинов в море. (23) Киты ушли в своё бесконечное плавание, забыв сказать добрым и смелым людям спасибо, а отважные полярники опять пошли мимо мыса Дежнёва в наши северные моря очередной пароход ждал их помощи. (24) Там была обычная их работа — проводить торговые суда через полярные льды, потому что без этих судов и их грузов невозможно поддерживать жизнь на Крайнем Севере нашей страны. (25) Потому что огромная держава должна твёрдой ногой стоять на этих холодных и далеких берегах, где живут замечательные и смелые люди.

(26) Ныне во Владивостоке, в чудесном месте с видом на Амурский залив стоит памятник спасённым китам, который привезли к нам в дар из Америки (27) И бывший капитан ледокола «Адмирал Макаров» Сергей Фёдорович Решетов может прийти сюда и вспомнить то дорогое и удивительное время и, возможно встретит здесь своего коллегу, капитана дизель-электрохода «Владимир Арсеньев» Руслана Зайнигабдинова и других отважных, скромных, так и оставшихся неизвестными участниками той ледовой эпопеи.

(По С. Сальникову)

(1)В редакцию пришло письмо от рабочего Нечаева, в котором он поведал о конфликте с инженером Зубаткиным.

(2)Конфликт возник на охоте. (3)Они гнали зайца, бежали по окончательно раскисшему осеннему полю. (4)Заяц широко, активно прыгал –и вдруг сел, развернувшись лицом к преследователям. (5)Нечаев так и написал: лицом, не мордой. (6)Когда охотники подбежали и приподняли зайца, стало ясно, почему он не убежал: у него на каждой лапе налипло по килограмму грязи, и он не мог скакать. (7)Заяц это понял и остановился. (8)Но сидеть спиной к преследователям ещё страшнее, и он развернулся, чтобы «встретить смерть лицом к лицу».

(9)Зубаткин вернул зайца на землю, сдёрнул с плеча винтовку и нацелился в упор, и это была уже не охота, а расстрел. (10)Нечаев сдёрнул с плеча свою винтовку и нацелился в Зубаткина. (11)И добавил словами, что, если Зубаткин убьёт зайца, он, Нечаев, убьёт Зубаткина. (12)Зубаткин не поверил, однако рисковать не стал. (13)Он опустил ружьё и дал Нечаеву кулаком по уху. (14)Нечаев драться не собирался, но агрессия порождает агрессию. (15)Посреди осеннего поля произошла большая драка с нанесением словесных оскорблений и телесных травм.

(16)По заданию редакции Веронике надо было побеседовать с участниками конфликта и написать статью. (17)Она начала с Зубаткина.

(18)Зубаткин был похож на Кирибеевича из «Песни о купце Калашникове» – та же обаятельная наглость, лучезарная улыбка хозяина жизни. (19)Он смотрел на Веронику с таким видом, будто она сидела в его кабинете, а не он – в её. (20)Зубаткин знал, что юридические законы на его стороне, а морально-нравственные категории – это что-то весьма неопределённое и неосязаемое, как облако. (21)Нравственность у каждого своя. (22)Как почерк.

– (23)Вы согласны с тем, что написал Нечаев? (24)Это так и происходило?

– (25)Согласен, примерно так.

– (26)Значит, Вы хотели убить зайца, который не мог от вас убежать?

– (27)Охота – это охота.

– (28)Охота – это охота, а не убийство. (29)Зверь и охотники должны быть на равных

– (30)Вы хотите, чтобы у зайца было ружьё?

– (31)У вашего зайца не было ног. (32)Вы не имели права в него целиться.

– (33)Я не понимаю: что Вы от меня хотите?

– (34)Честно? (35)Чтобы Вы были другим. (36)Или чтобы Вас не было вообще.

(37)Зубаткин поднялся и пошёл из кабинета. (38)Вероника некоторое время смотрела на дверь.

(39) Современный человек набит информацией, нагрузками, стрессами, но он вешает на плечо ружьё и уходит к деревьям, к тишине, чтобы от всего отрешиться, очиститься, слиться с природой и услышать в себе древний охотничий инстинкт, выследить и подстрелить опасного или большого зверя.(40) В конце концов, можно подстрелить и зайца, когда ты с ним на равных.(41) Когда у тебя ружьё, а у него ноги и лес.

(42) Зубаткина ни природа, ни самоуглублённость не интересовали.(43) Но разве Зубаткинодиночек в своём циничном потребительстве?(44) Сегодня имеет значение только то, что можно на себя надеть или чем насытиться. (45) Значит, зубаткины идут по земле целыми колоннами.

(46) А нечаевы ничего не могут сделать...

(По В.С. Токаревой*)

* Виктория Самойловна Токарева (род. в 1937 г.) – российский прозаик и сценарист.

В клетке зоопарка токовал глухарь. Днём. Прилюдно. Клетка величиной в два-три письменных стола являла собой и тюрьму, и «тайгу» одновременно. В углу ее было устроено что-то вроде засидки в раскоренье. Над засидкой торчал сучок сосны с пересохшей, неживой хвоей, на клетке разбросана или натыкана трава, несколько кочек изображено и меж ними тоже «лес» — вершинка сосны, веточка вереска, иссохшие былки кустика, взятые здесь же, в зоопарке, после весенней стрижки.

Глухарь в неволе иссох до петушиного роста и веса, перо в неволе у него не обновлялось, только выпадало, и в веером раскинутом хвосте не хватало перьев, светилась дыра, шея и загривок птицы были ровно бы в свалявшейся шерсти. И только брови налились красной яростью, горели воинственно, зоревой дугой охватив глаза, то и дело затягивающиеся непроницаемой, слепой пленкой таежной темноты, забвением тоскующего самца.

Перепутав время и место, не обращая внимания на скопище любопытных людей, пленный глухарь исполнял назначенное ему природой — песню любви. Неволя не погасила в нем вешней страсти и не истребила стремления к продлению рода своего.

Он неторопливо, с достоинством бойца, мешковато топтался на тряпично-вялой траве меж кочек, задирает голову и, целясь клювом в небесную звезду, взывал к миру и небесам, требовал, чтоб его слышали и слушали. И начавши песню с редких, отчетливых щелчков, все набирающих силу и частоту, он входил в такое страстное упоение, в такую забывчивость, что глаза его снова и снова затягивало пленкой, он замирал на месте, и только чрево его раскаленное, горло ли, задохшееся от любовного призыва, еще продолжало перекачивать, крошить камешки на шебаршащие осколки.

В такие мгновения птичий великан глохнет и слепнет, и хитрый человек, зная это, подкрадывается к нему и убивает его. Убивает в момент весеннего пьянящего торжества, не давши закончить песню любви.

Не видел, точнее, никого не хотел видеть и замечать этот пленник, он жил, продолжал

жить и в неволе назначенной ему природой жизнью, и когда глаза его «слепли», уши «глохли», он памятью своей уносился на дальнейшее северное болото, в реденькие сосняки и, задирая голову, целился клювом, испачканным сосновою смолою, в ту звезду, что светила тысячи лет его пернатым братьям.

Глядя на невольника-глухаря, я подумал, что когда-то птицы-великаны жили и пели на свету, но люди загнали их в глушь и темень, сделали отшельниками, теперь вот и в клетку посадили. Оттесняет и оттесняет человек все живое в тайге газонепроводами, адскими факелами, электротрассами, нахрапистыми вертолетами, беспощадной, бездушной техникой дальше, глубже. Но велика у нас страна, никак до конца не добить природу, хотя и старается человек изо всех сил, да не может свалить под корень все живое и под корень же свести не лучшую ее частицу, стало быть, себя. Обзавелся вот «природой» на дому, приволок ее в город — на потеху и для прихоти своей. Зачем ему в тайгу, в холодную ночь, по колено, а где и по пояс в воде переть на ток. Он здесь получит удовольствие, за два гривенника насмотрится на зверей, наслушается реву, песен и стога.

Обойдя огромный зоопарк, я возвращался в подавленном настроении — звери в неволе были болезненно вялы, полуоблезлы, в свалявшейся шерсти и проплешинах. Самые вольные и грозные звери выглядели совсем жалко. Волки смотрели сквозь решетки отстраненными глазами, в которых была такая бездонная тоска, что и не выразить ее человеческими словами. Если только завывать на весь белый свет...

Меня все что-то тянуло и тянуло к клетке глухаря. Он «оттоковал», сложил свой дырявый хвост, без интереса порылся в кормушке, наполненной хвоей, смесью семян, песком и какой-то скорлупой. Зрители и слушатели, большей частью дети, набросали на пол клетки токовика семечек и кедровых шишек да орешков, будто уличному певцу в уплату. (по В. П. Астафьеву)